

DOI: 10.15372/HSS20210308

УДК 821.161.1-93

Н.Н. РОДИГИНА

**КАКОЙ БЫТЬ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ О СИБИРИ:
ДИСКУССИИ 1950-х гг.**Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье на основе материалов совещаний детских писателей Сибири, публикаций периодической печати анализируется дискуссия о том, какой должна быть региональная детская литература, какие образы Сибири нужно транслировать юным читателям. В рамках институционального подхода рассматриваются взгляды на творчество сибирских детских писателей, их коллег, педагогов, журналистов, библиотекарей. Сделаны выводы о том, что «оттепельные» тенденции в сибирской детской литературе, едва появившись в начале 1950-х гг., не получили своего развития к концу изучаемого десятилетия. В детской литературе и в дискуссиях по ее поводу преобладали репрезентации Сибири как места революционных событий, территории ударных комсомольскихстроек, края строящихся наукоградов.

Ключевые слова: XX век, детская литература, сибирские писатели, образ Сибири, дискуссии о задачах и темах советской детской литературы.

N.N. RODIGINA

**WHAT CHILDREN'S LITERATURE ABOUT SIBERIA SHOULD BE:
DISCUSSIONS OF THE 1950s**Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

In the article the author seeks to answer the following questions: 1) who determined what children's authors should write about Siberia in the 1950s and what children's literature should be like; 2) if there were discrepancies on this topic in the period from the late Stalinism to the Thaw; 3) what representations of the region were favorable for children's authors, teachers, librarians and young readers themselves in these years. This article is written as a combination of history of childhood, history of children's literature and historical imagology. Views on the work of Siberian children's authors, their colleagues, teachers, journalists and librarians are analyzed within the framework of institutionalized approach. Unpublished protocols of meetings of children's authors from Siberia that took place in September of 1953 and May 1958 that are kept in the State Archive of Novosibirsk region (GANO), publications of the newspaper "Sovetskaya Sibir" and the journal "Sibirskie Ogni" (1950–1958) about those meetings and about regional children's literature, lists of recommended literature that were compiled by metropolitan and Siberian librarians are being used as sources for this article.

The author concludes that the Thaw tendencies in the Siberian children's literature that barely appeared in the beginning of 1950s didn't develop by the end of the decade. Mainly the authors themselves (both local and metropolitan), librarians and sometimes members of pedagogical community took part in the discussions on topics what children's authors should write about Siberia in the 1950s and what children's literature should be like on the regional level. Representations of Siberia as a place of torment of people condemned to political exile, revolutionary events of the early 20th century, territories of heroic achievements of the postwar five-year plans and impactful Komsomol constructions, the land of emerging science cities, symbolic distant countries on the literary map of Soviet readers, decorations for "bildungsroman", adventure stories and fantastic literature prevailed in children's literature and in discussions about it.

Key words: children's literature of the 20th century, Siberian authors, image of Siberia, discussions about goals and themes of Soviet children's literature.

Наталия Николаевна Родигина – д-р. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: natrodigina@list.ru.
Web of Science Researcher ID S-5134-2016; <https://orcid.org/0000-0003-4938-0924>.

Nataliya N. Rodigina – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы детская литература является предметом пристального внимания не только литературоведов и социологов чтения, но и историков культуры, специалистов в области политической истории. На мой взгляд, можно выделить два ключевых мотива обращения к теме. Во-первых, исследование сюжета о том, как правильно писать о регионе для детей, расширит наши представления о репрезентациях Сибири в советской культуре 1950-х гг. Во-вторых, на конкретном хронологическом отрезке позволит выявить акторов, принимавших участие в определении целей, функций, авторского корпуса, тематики региональной детской литературы.

Выбранная тема является продолжением серии моих статей, посвященных участию детских писателей, журналистов, педагогов в борьбе за формирование сибирского детского читателя, а также образом Сибири в детской литературе 1880–1980-х гг. [1, 2].

Для понимания исторического контекста обсуждения вопроса о задачах и перспективах детской литературы о регионе я обращалась к общим работам по истории советской культуры (в том числе литературы) позднего сталинизма и «оттепели» (см., напр.: [3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10]). Я опиралась на выводы обобщающих работ по истории советской детской литературы И.Н. Арзамасцевой, Е.О. Путиловой, Б. Хеллмана касающиеся эволюции форм и методов государственного контроля над детской литературой, а также на их наблюдения о тематических и жанровых приоритетах детских писателей советской эпохи [11, 12, 13].

Поскольку одним из институтов социализации читателей детской литературы была советская школа, в фокус моего внимания попали работы, посвященные школе 1950-х гг. (см., напр.: [14, 15, 16]). Они позволили сформировать представление о реалиях, на фоне которых разворачивалась дискуссия о детской литературе, о том, какие именно сюжеты школьной жизни волновали авторов и читателей произведений, педагогов, библиотекарей, партийных идеологов. В частности, я опираюсь на мнение М.Л. Майофис о том, что первые предвестия «оттепели» появились в советской школе еще в позднесталинскую эпоху, когда возникла сама возможность публичного обсуждения индивидуализации и гуманизации в обращении со школьниками, провозглашения «борьбы с формализмом» и необходимости творческого подхода в преподавании, обоснования курса на развитие самостоятельного мышления и индивидуального подхода [17].

Однако наибольший интерес для меня представляли исследования М.Л. Майофис, К.А. Маслинского, О.А. Симоновой, А.В. Фатеева, непосредственно касающиеся детской литературы изучаемой эпохи

[18, 19, 20, 21, 22]. Отправными для меня стали следующие наблюдения названных авторов: 1) противопоставление «правды» и «лжи» как ключевой вопрос детской литературы с 1953 г. и борьба с ханжеством как одна из тенденций эпохи; 2) акцентирование внимания на роли литературных редакторов как одного из ключевых «игроков» поля детской литературы; 3) анализ конкурентной борьбы за влияние на этом поле таких институтов, как детские издательства, органы народного образования, пионерская и комсомольская организации, писательская организация в центре и на местах. К этому списку я бы добавила библиотеки и литературную критику, которые уже с 1930-х гг., как свидетельствуют исследования Е.О. Путиловой и С.Г. Маслинской, включились в «бои» за то, какая литература нужна юным читателям [23, 24].

В качестве основного мною востребован историко-функциональный подход к изучению детской литературы как социального института. Этот подход ориентирует на то, что изучаются не отдельные детские писатели, писавшие о Сибири, а роль детской литературы в формировании репрезентаций региона в русской культуре, ее авторский корпус и адресаты, обстоятельства, влиявшие на формирование представлений о регионе, каноны, по которым он конструировался и с которыми соотносился.

В центре моего внимания следующие вопросы: 1) кто определял, что писать о Сибири детским писателям в 1950-х гг. и какой вообще должна быть детская литература; 2) были ли разночтения в этом вопросе в начале и во второй половине избранного десятилетия, иначе говоря, в период от позднего сталинизма к «оттепели»; 3) какие именно образы региона представлялись предпочтительными для детских писателей, педагогов, библиотекарей в эти годы.

В качестве источников мною привлечены неопубликованные протоколы совещаний детских писателей Сибири, проходивших в сентябре 1953 г. и мае 1958 г., хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области (ГАО); публикации газеты «Советская Сибирь» и журнала «Сибирские огни» (1950–1958) об этих совещаниях, а также о региональной детской литературе; списки рекомендательной литературы, составленные столичными и сибирскими библиотекарями.

Моя гипотеза состоит в том, что предвестники «оттепели» в детской литературе, появившись в начале 1950-х гг., на региональном уровне мало изменили риторику местных литераторов о задачах региональной литературы и образе Сибири в ней.

ДИСКУССИЯ НАЧАЛА 1950-х гг.

Г.Н. Тубельская выяснила, что первые книги для детей о Сибири стали публиковаться в первой поло-

вине 1920-х гг. Первой детской книгой, изданной Сибирским государственным издательством (далее Сибгосиздат) в Новониколаевске, стала сказка Л.Н. Сейфуллиной «Хехекса и плакса» (1922) [25, с. 42–43]. В 1921 г. Сибгосиздатом совместно с представителями Соцвоса и Сиббюро РКСМ была создана комиссия по детской литературе. Ее члены – сибирские писатели Г.М. Пушкарев, К.Н. Гайлит, А.И. Герман, Е.К. Стюарт, А.Р. Пугачев, П.В. Гинцель, С.Х. Баранов, М.А. Кравков, В.И. Мрачковский, В.А. Зверев, А.А. Кузнецова, Г.А. Вяткин – устраивали читки произведений для детей, проводили литературные конкурсы, организовывали встречи со школьниками, выступали в периодической печати и на Первом съезде писателей Западной Сибири в июне 1934 г. с критическими статьями и докладами по поводу современного состояния, проблем и перспектив детской литературы, размышляя о том, кому быть детским писателем и как правильно писать о Сибири для детей. Во второй половине 1930-х гг. дискуссии о задачах, темах, образах детской литературы в западносибирском сообществе детских писателей и педагогов практически прекратились. Это было связано как с утверждением соцреалистического канона в детской литературе, так и с тем, что значительная часть их участников была репрессирована и расстреляна (А.А. Ансон, Г.А. Вяткин, К.Н. Гайлит, В.А. Итин, М.А. Кравков, В.А. Зверев, В.Д. Вегман) [1].

Новый виток интереса к детской литературе о Сибири был спровоцирован двумя событиями начала 1950-х гг.: 1) статьей К. Немиры и И. Сотникова о детской литературе Сибири в художественной литературе, вышедшей в феврале 1950 г. в «Сибирских огнях»; 2) совещанием детских литераторов Сибири, организованным комиссией по детской литературе Союза писателей СССР в сентябре 1953 г. В упомянутой статье, написанной по следам XIII пленума правления Союза советских писателей СССР, где обсуждался вопрос о детской литературе, подводились итоги развития региональной литературы за первые послевоенные годы. Начинается статья хрестоматийным противопоставлением «развращенной буржуазной культуры», которая «уродует человека, прививает ему все низменное, гнусное, античеловеческое, лишает его веры в жизнь, уводит в мир мистики, воспитывает предателей, воров и жуликов» [26, с. 146], и «самой передовой и идейной» советской детской литературы. Привлекая цитаты из приветствия ЦК ВКП(б) XI съезду ВЛКСМ (1949), авторы напоминают читателям о главной задаче детской литературы – помочь воспитанию «бесстрашных, бодрых, жизнерадостных, уверенных в своих силах, готовых преодолевать любые трудности бойцов за свободу и честь нашей Родины, за дело Ленина–Сталина, за по-

беду коммунизма» [Там же, с. 146]. Статья носила достаточно критический характер. Сибиряки и дальневосточники упрекали в том, что за 1946–1949 гг. издали всего полтора десятка книг для детей; для местной литературы характерна узкая тематика, в ней, к примеру, мало книг о патриотическом труде, о советской семье, о детском саде и младших классах [Там же, с. 147]; ее авторы не уделяли должного внимания достижениям советской современности [Там же, с. 148]; нет сказок «о нашем героическом времени», мало книг о победоносной борьбе советского народа против фашистских захватчиков [Там же, с. 150], скупо показана жизнь советской школы, не раскрыта работа пионерских и комсомольских организаций, творческого и новаторского труда советских учителей [Там же, с. 156]. Примечательна, с точки зрения выяснения языковых практик говорения о детской книге, следующая цитата: «Книга для детей, если она оторвана от советской жизни, от советских взглядов на вещи, явления, в лучшем случае будет воспитывать просто благонаправленного ребенка, в не советского патриота, не маленького большевика и гражданина, с детства усваивающего принципы новой морали коммунистического коллектива» [Там же, с. 148].

По мнению авторов, ощущалась нехватка произведений о социалистической Сибири, «крае угля и металла, края фабрик и заводов, края мощно развитой индустрии и могучего сельского хозяйства» [Там же, с. 150]. Среди причин, предопределивших недоработки сибирских детских писателей, упомянуты недостаточное внимание правлений областных и краевых отделений Союза писателей к детской литературе, незначительный приток молодых литературных сил, непривлечение к созданию детских книг ученых, инженеров, выдающихся новаторов социалистического труда, педагогов, пионерских и комсомольских работников [Там же, с. 156]. Здесь очевидны отзвуки призывов к мобилизации в детскую литературу, активно раздававшиеся со второй половины 1920-х гг. как на столичном, так и на региональном уровнях.

В совещании 1953 г. наряду с сибирскими литераторами приняла участие «бригада писателей» из Москвы в составе Ю.Я. Яковлева, С.А. Могилевской, Н.В. Лукина, А.А. Дорохова, В.И. Баныкина и др. На первый взгляд, риторика обсуждения целей детской литературы и задач региональных писателей в сравнении с уже упомянутым Первым съездом западносибирских писателей 1934 г. и проанализированной ранее статьей не особенно изменилась. Было вновь продекларировано, что «партия рассматривает детскую художественную литературу как большой и ответственный участок всей советской литературы, помогающей партии и государству воспитать советскую

молодежь бодрой, верящей в свое дело, не боящейся препятствий, готовой преодолеть любые трудности»¹. По-прежнему идейность, злободневность и дидактичность ставились выше художественности. К примеру, в неопубликованных протоколах совещания читаем показательную в этом смысле реплику из выступления поэтессы Е.К. Стюарт: «Нерешенными для меня остаются еще целый ряд вопросов, связанных с сочетанием поэтичности и дидактики. Мне, как автору, гораздо больше радости доставляют стихи на современную тему, где раскрыты черты нового, чем вообще хорошие стихи о природе как таковой. Хочется красочно и ярко отражать нашу жизнь»².

На совещании подчеркивался количественный рост авторов, пишущих о регионе. Так, в заметке о совещании в «Сибирских огнях» отмечено: «В Сибири ряд писателей – Г. Пушкирев, И. Молчанов, К. Урманов, Е. Стюарт, Г. Кунгуров, А. Кузнецова, Н. Устинович – давно и успешно работают над произведениями для детей. За последние годы появились интересные произведения новых детских писателей – Ю. Сальникова, М. Михеева, Н. Осинина, Е. Коронаевой (Новосибирск), Н. Дворцова, Н. Чебаевского (Барнаул)... Краевые и областные издательства Сибири выпускают по несколько книг для детей... В Новосибирске выходит сборник произведений для детей “Золотые искорки”» [27, с. 187].

Однако на фоне этих оптимистичных деклараций появились и новые критические ноты. Наряду с очередной констатацией факта, что книг для детей среднего и младшего возраста, написанных «местными литературными силами», явно не хватает, как и произведений о школе и приключенческой литературы, вполне в духе времени местным писателям адресуются упреки в «формализме и лакировке действительности». Подробно история борьбы с формализмом в послевоенной культуре описана Е. Добренко [5]. Так, столичный писатель Ю.Я. Яковлев адресовал Е.К. Стюарт следующие замечания: «В книгах детских было много парадности, лакировки. Есть такое и в книге Е. Стюарт: “переполненный задором”. И стихотворение “Яблоки” – само румяное, парадное. Описание внешних красивых вещей, за ним не видно борьбы. [...] В очень многих стихах автор пишет от имени “мы”. Это безликий коллектив. Абстрактные “мы” и выразительнее, когда будет показан один конкретный человек. И много цифр – сорок ребят. Круглые, ничего не выражающие цифры»³.

Упреки предъявлялись за отсутствие психологизма и пристального внимания к описанию душев-

ного мира ребенка, бесконфликтность, схематизм. Один из авторов проанализированной нами статьи 1950 г., К. Немира, в статье «Советской Сибири», написанной по результатам совещания, отмечал: «В любом художественном произведении... должны действовать живые люди, а не однобокие или поверхностные схемы, в каждом произведении характеры людей должны раскрываться во всем своем многообразии и неповторимости, в борьбе, в противоречиях, в конфликтах»⁴. Вслед за М.Л. Майофис и рядом других исследователей можно интерпретировать отдельные выступления на совещании и статью в новосибирской областной газете как начало «оттепели» в советской литературе, проявившееся в появлении статей О. Берггольц (апрель 1953 г.), а также хронологически чуть более поздних резонансных текстов В. Померанцева «Об искренности в литературе» (декабрь 1953) и Л. Чуковской «О чувстве жизненной правды» (декабрь 1953) [21].

Любопытно, что и читатели, далекие от мира литературной критики, начинали предъявлять к книгам требования жизненной правды, понимаемой порой буквально, игнорируя право автора художественного произведения на вымысел. Наглядно это проявилось в обсуждении на страницах «Сибирских огней» книги Н.Б. Карнеевой «Школа», вышедшей в Новосибирском книжном издательстве в 1953 г. и посвященной сельскому учителю. Кандидат педагогических наук П.Д. Войтик, к примеру, хвалил автора за то, что молодой учитель может найти полезные советы для практической работы [28, с. 183]. Завуч средней школы № 10 г. Новосибирска К.А. Нечаев, наоборот, упрекал автора за конкретные ошибки методического характера. Например, главному герою было поручено вести четыре класса. «При работе одного учителя одновременно с четырьмя классами обычно сочетают 1 и 3, 2 и 4, а Суханов ведет работы с 1 и 2 одновременно» [29, с. 185] и др.

ДИСКУССИЯ КОНЦА 1950-Х ГГ.

Хронологически «оттепелым» можно назвать Всесибирское совещание по детской литературе, прошедшее в Новосибирске 26–30 мая 1958 г. В его работе приняли участие литераторы из Алтайского и Красноярского краев, Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской и Читинской областей. Московскую писательскую организацию представляли Л.С. Соболев, М.П. Прилежаева, В.В. Архангельский, К.С. Бадин, В.Ф. Глушенко и др.⁵ Было заявлено, что в основу всей работы совещания положено выступление Н. С. Хрущева «За тесную

¹ Немира К. Некоторые вопросы развития детской литературы в Сибири // Сов. Сибирь. 1953. 25 сент. С. 2.

² ГАНО. Р-1597. Оп. 1. Д. 117. Л. 2.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Немира К. Некоторые вопросы развития детской литературы в Сибири // Сов. Сибирь. 1953. 25 сент. С. 2.

⁵ ГАНО. Р-1597. Оп. 1. Д. 148. Л. 6.

связь литературы и искусства с жизнью народа» (1957). Примечательно, что параллельно с рабочими встречами литераторов друг с другом, педагогами, сотрудниками библиотек, партийными и комсомольскими работниками, городской общественностью, школьниками были организованы экскурсии на строительство Академгородка и ОбьГЭС, посещение местных театров, что позиционировало город как центр науки, промышленности и культуры, ассоциировавшийся с социалистической Сибирью будущего⁶.

Основной доклад «Большая литература для маленьких» был сделан писателем, комсомольским работником А.В. Никульковым (впоследствии известным литературным функционером). Как это было принято в такого рода текстах, докладчик представил свой вариант генеалогии сибирской детской литературы, включив в нее в качестве отцов-основателей И. Молчанова-Сибирского как вдохновителя написанной иркутскими пионерами «Базы курносых» (1934); Г. Пушкарёва как патриарха историко-революционной темы и «неутомимого организатора детской литературы Сибири»; Е. Стюарт, посвятившую сибирской поэзии более четверти века, П. Маляревского – первого детского драматурга Сибири [30, с. 166]. Среди «взрослых» сибирских литераторов, адресовавших произведения детской аудитории, упомянуты рассказы К. Урманова, «воспевающие сибирскую природу», «познавательные книжки» А. Коптелова, влекущие к путешествиям тексты А. Смердова, книга о мужественных людях К. Лисовского, стихи Н. Первалова и В. Пухначева.

Однако опять же в духе времени основное внимание в докладе было уделено недоработкам сибирских детских писателей. Они критиковались за стремление надеть ребятам «розовые и голубые очки» и оградить их от мужественной правды, от борьбы и воспитания классовой ненависти. «Мы – писатели, идеологические оруженосцы своего народа, – не имеем права ни на минуту поднять забрала, снять шлемы и, отложив оружие, впериться созерцающим взглядом в лучезарное небо», – вполне в духе предшествующего милитаризованного дискурса заявлял докладчик [30, с. 170]. Призывая говорить с детьми языком романтическим, языком героизма Никульков с пафосом восклицал: «Горнисты должны быть отмобилизованы! И приказа о мобилизации они ждут, в том числе и от детской литературы» [Там же, с. 171]. Традиционно авторы критиковались за невнимание к проблеме трудового воспитания молодежи и в этом контексте за недооценку сибирской темы в детской литературе, так как именно «Сибирь является краем наибольшей концентрации трудовой энер-

гии советского человека. Целина, покорение рек, создание новых городов в таежных дебрях и глухих степях: Междуреченск, Ангарск, Мирный, Братск, Алзатай и десятки других, создание новых промышленных районов» [Там же, с. 172–173]. Она – «форпост 6-й пятилетки». Никульков призвал местных писателей творить, чтобы детям Москвы и Воронежа, Владимира и Кишинева захотелось «бежать» в Сибирь. При этом писать так, «чтобы не реи пиратских кораблей их манили, а арматуры, воздвигнутые верхолазами, с которых видно так далеко, как не увидишь ни с какой мачты; чтобы не прерии с табунами мустангов им снились, а целинные земли с колоннами тракторов, не тайны островов Сокровищ и Монте-Кристо влекли их к себе, а тайны вещества, еще до конца познанного наукой, и тайны Васюганских болот, лежащих на железе» [30, с. 174].

Попутно замечу, что идея популяризировать образ Сибири нашла отклик у участников совещания. Так, новосибирский актер и писатель Ю.М. Магалиф предложил организовать командировки местных литераторов в Москву, Ленинград, Рязань, Тулу, Орел, чтобы рассказывать о нашем регионе и помогать таким образом решить проблему привлечения рабочих рук⁷. Высказывалось пожелание – издать в одном из столичных издательств сборник с рассказами и стихами местных литераторов о Сибири.

Однако ни в выступлениях докладчиков, ни на заседаниях секций на семинаре практически не упоминалось о тех сюжетах, которые обсуждались в литературном сообществе в начале 1950-х гг.: о теме обнажения жизненной правды и лжи, осмыслении моральных проблем советской школы, пионерской и комсомольской организаций. Можно предположить, что развернувшаяся дискуссия по поводу повести М. Бреженера «Пусть не сошлось с ответом», а затем появившаяся по ее результатам критическая записка отдела науки, школ и культуры ЦК КПСС 22 ноября 1956 г., интерпретирующая повесть «как идейно-порочное произведение», свидетельствующее о «нездоровых явлениях в среде детских писателей»⁸, в определенной степени блокировали обсуждение названных тем.

Среди достижений сибирских авторов неоднократно упоминалась успешная мобилизация людей разных профессий в детскую литературу. Неоднократно подчеркивалось, что для детей пишут сельский учитель из Колыванского района Новосибирской области С. Мосияш, кандидат биологических

⁷ ГАНО. Ф. Р-1597. Оп. 1. Д. 153. Л. 47.

⁸ Записка отдела науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР об обсуждении в Доме детской книги повести М.С. Бреженера «Пусть не сошлось с ответом!» // Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы. М., 2001. С. 564.

⁶ ГАНО. Р-1597. Оп. 1. Д. 148. Л. 2.

наук из Восточно-Сибирского филиала Академии наук СССР, иркутянин А. Смирнов, мастер токарного участка из Омска Т. Белозеров, инженер-лесотехник из Иркутска В. Киселев и др.⁹

Любопытна критика детской литературы о Сибири со стороны библиотекарей, от имени которых выступила заведующая новосибирской детской библиотекой А.Н. Шатунова. В отличие от писателей, она акцентировала внимание не на художественных достоинствах книг, как ее коллеги на аналогичных совещаниях 1930-х гг., не на нехватке приключенческой литературы и фантастики, о чем говорили сами литераторы, а на недостаточном количестве историко-революционной литературы, книг о Великой Отечественной войне и о трудовых подвигах современной молодежи в Сибири: «... для сибирских писателей первейшая и святая обязанность – писать о Сибири, о ее революционном прошлом, о декабристах и Чернышевском, о революционерах-большевиках, которые вместе с народом превращали Сибирь кандалную в Сибирь социалистическую. Нам, библиотечным работникам, хочется, чтобы для детей появились книги и об Отечественной войне, и о трудовых подвигах современной молодежи» [30, с. 175]. Замечу, что в 1957 г. к 40-летию советской власти областной детской библиотекой был даже издан аннотированный библиографический указатель «Знай революционное прошлое родного края» [31]. Однако несмотря на это, литературы революционно-патриотической направленности, по мнению многих участников совещания, не хватало. Именно такие работы наряду с произведениями классической литературы доминировали в списках рекомендательной литературы и сборниках обзорных статей о книгах (например, в сборнике «Детская литература в 1950 г.») [32; и др.]. Однако в письмах детей-читателей, публиковавшихся порой в такого рода изданиях, часто упоминались в качестве любимых школьные повести, научно-популярная литература о регионе.

Среди проблем, над которыми предстояло работать сибирским литераторам, назывались все те же, что и в позднесталинское время: мелкотемье, формализм, отсутствие связи с современностью. Такое ощущение, что лучи «оттепели» рассеялись в дискурсе о детской литературе Сибири до наступления знаменитого XX съезда и погасли в 1953 г., вернувшись лишь в начале 1960-х гг. О самом съезде на совещании и в материалах СМИ по его итогам упоминалось главным образом в выступлениях московских литераторов Л.С. Соболева, В.В. Архангельского и основателя Академгородка – академика М.А. Лаврентьева.

Наиболее любопытной представляется интерпретация текущего момента В.В. Архангельским, в творческом багаже которого была одна книга о Сибири («Как я путешествовал по Алтаю», 1958). С его точки зрения, литературный процесс в стране характеризовали следующие черты: 1) консолидация сил советской литературы наряду с осуждением тех членов писательской организации, которые «допустили политическую слепоту и пытались выдать белое за черное»; 2) тенденциозность партийность «нашей литературы, которая призвана служить народу в его титанической борьбе за коммунизм» и «должна перейти в открытое наступление на чуждую нам идеологию, каким бы флагом она не прикрывалась»; 3) «жизнеутверждающее начало, показ гигантской созидательной работы в стране, раскрытие положительного героя нашего времени, создание ярких образов передового человека: новатора, творца, умеющего дерзать, глубоко мыслить – радоваться и страдать»; 4) главный метод – социалистический реализм, а главные задачи – внимание к языку и понимание силы его воздействия, к сюжету – показ героя в развитии, реалистическое письмо вместо бытописательства, к лепке характеров – показывать, как преодолевать пороки и недостатки; 5) главная опасность – ревизионизм, под которым понималась «недопустимая переоценка ценностей, откровенная сдача позиций врагу, худшая разновидность «беспартийности», формалистических блуждания, пренебрежительное отношение к сокровищам нашей великой русской литературы, критиканство, очернительство жизни, нигилизм»¹⁰. За исключением, пожалуй, борьбы с ревизионизмом, мне не удалось найти сколько-нибудь нового в этом перечне в сравнении с декларациями начала 1950-х гг.

Одно из редких упоминаний о тех явлениях литературной жизни, которые соотносятся с эпохой «оттепели», встречаем в докладе академика М.А. Лаврентьева, заметившего, что роман Дудинцева «Не единый хлеб» (речь шла, конечно, о «Не хлебом единым» (1956)) «многим ученым нравился, хотя тема мелковата и, конечно, там уж очень много поклепа, но не то все-таки, мы хотим более положительной программы и более крупных размахов»¹¹. Одновременно Лаврентьев под бурные аплодисменты присутствующих призывал к созданию хороших научно-фантастических романов, герои которых преодолевают огромные трудности: «Товарищи, сейчас положение такое, что те романы, которые мы с большим удовольствием читали, Жюль Верна, Уэльса, Алексея Толстого “Гиперболоид инженера Гарина”,

⁹ Слово об авторах // Сов. Сибирь. 1958. 30 мая. С. 3.

¹⁰ ГАНО. Р-1597. Оп. 1. Д. 148. Л. 9–11.

¹¹ Там же. Д. 153. Л. 14.

это как раз все осуществлено. Сейчас все это читать перестали. Раньше ученые очень и очень любили читать, до глубокой старости увлекались, перечитывали десятки раз эти романы, сейчас читать скучно, потому что все что описывается, на самом деле гораздо интереснее сделано. И вот, товарищи, первое обращение к вам, заказ, наказ от ученых – пофантазировать подальше, чтобы все-таки наша молодежь, как все мы ученые, в молодом возрасте, мы все читали и увлекались этими видами, такой научной фантастикой, мечтами психологического и всяческого прогресса, они как-то в подсознание закладываются... И вот побольше таких хороших фантастических романов с преодолением огромных трудностей. Нужно, чтобы с самого начала привыкли, что без труда ничего не дается. И борьба с природой, которую нужно заставить так, как вы хотите, а не так, как она хочет... Вот этот самый эпос борьбы, очень ждем его. Жюль Верн, там все это есть, но вы знаете, что уже очень все это устарело»¹².

Как показано И.В. Кукулиным, в конце 1950-х гг. в СССР вообще резко усилился интерес к фантастике (и переводной, и отечественной), о чем наглядно свидетельствуют публикации в научно-технических и научно-популярных журналах «Техника–молодежи», «Знание – сила» и др. Я согласна с Кукулиным и в интерпретации причин роста популярности этого жанра: изменение политической атмосферы способствовало развитию представлений о вариативности будущего, не случайно определяющей характеристикой риторики Хрущева стала легитимизация советского строя «через будущее» в противовес «легитимизации через прошлое», ставшей проблематичной после разоблачения культа личности. Фантастика «оттепели» переходит от узкотехнических тем к социальным и поднимает философские проблемы [33]. Именно к созданию такого рода литературы и призывал Лаврентьев, и его идея получила воплощение в творчестве присутствовавшего на совещании Марка Сергеева, написавшего в 1964 г. фантастическую повесть «Машина времени Кольки Спиридонова», впоследствии неоднократно переизданную.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в дискуссиях о том, что писать о Сибири детским писателям в 1950-х гг. и какой вообще должна быть региональная детская литература, принимали участие главным образом сами литераторы (как местные, так и столичные), работники библиотек, реже представители педагогического сообщества. Мне не удалось найти почти никаких следов участия в этом процессе самих детей (за исключением пере-

сказа их мнения о конкретных книгах в аннотированных обзорах книг, подготовленных библиотеками). Возможно, это объясняется отсутствием в регионе детской периодики, которая бы инициировала обсуждение книг, как это было в первые советские десятилетия, когда издавался «Сибирский детский журнал» (1928–1931), впоследствии переименованный в журнал «Товарищ», газета «Юный ленинец» (1924–1941 гг.).

Среди актуальных образов Сибири, как и в 1920–1930-е гг., по-прежнему лидирует образ региона как место страданий декабристов или территории становления профессиональных революционеров-большевиков, место каторги в Российской империи. Продолжают наполняться новым содержанием репрезентации новой индустриальной Сибири (вместо крестьянского Эльдorado в прошлом), территории романтиков и ударных комсомольскихстроек, пришедшей на смену страны «трех Т» – тайги, тюрьмы и темноты. Наряду с этим молодыми литераторами с 1950-х гг. конструируется «новый» образ Сибири как территории будущего, наукоградов, молодежныхстроек, символических «дальних стран» на литературной карте советских читателей, места символического побега амбициозных молодых людей, декорации для «романа воспитания», приключенческой и фантастической литературы.

Вопрос о причинах отсутствия общественной и профессиональной дискуссии по поводу детской литературы Сибири в связи с «оттепелью» для меня пока остается открытым. Предполагаю, что могла оказать свое влияние боязнь повторить печальную судьбу участников дискуссий 1930-х гг., уязвимость и зависимость от власти социoproфессиональных сообществ – литераторов, педагогов, библиотекарей, инерционность мышления и неверие в долгосрочность перемен. Кроме того, в востребованных мною источниках, представленных делопроизводственной документацией и материалами периодической печати, отражалась официальная точка зрения, которая могла не совпадать с тем, что думали на самом деле участники дискуссий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Родигина Н.Н. Как писать для детей о «нашем крае»: версия писателей Западной Сибири конца 1920-х – начала 1930-х гг. // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 119–132.
2. Родигина Н.Н. Индустриальная Сибирь как цель и как мечта: образ региона в детских книгах 1920–1980-х гг. // Пути России 1917–2017: Сто лет перемен. СПб.: Изд-во: «Нестор-История». С. 184–193.
3. Антпина В. Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е гг. М.: Молодая гвардия, 2005. 408 с.
4. Добренко Е. Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен: Otto Sagner, 1993. 405 с.
5. Добренко Е. Поздний сталинизм: эстетика политики. М.: Новое литературное обозрение, 2020. Т. 1. 712 с.

¹² ГАНО. Ф. Р-1597. Оп. 1. Д. 153. Л. 14–15.

6. Зезина М.Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е – 1960-е годы. М.: Диалог–МГУ, 1999. 396 с.
7. Кларк К. Советский роман: История как ритуал. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 262 с.
8. Эггелинг В. Политика и культура при Хрущеве и Брежнев. 1953–1970 гг. М.: АИРО-XX, 1999. 310 с.
9. Fürst J. The Arrival of Spring? Changes and Continuities in Soviet Youth Culture and Policy between Stalin and Khrushchev // The Dilemmas of De-Stalinization: Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev Era. London; New York: Routledge, 2006. P. 135–153.
10. Petrified Utopia: Happiness Soviet Style. London: Anthem Press, 2009. 307 p.
11. Арзамасцева И.Н. «Век ребенка» в русской литературе 1900–1930 годов. М.: Прометей, 2003. 404 с.
12. Путилова Е.О. Детское чтение – для сердца и разума: очерки по истории детской литературы. СПб.: Изд-во РГПУ, 2005. 402 с.
13. Хеллман Б. Сказка и быль: история русской детской литературы. М.: НЛЮ, 2016. 555 с.
14. Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). М.: НЛЮ, 2015. 715 с.
15. Иванова Г.М. Советская школа в 1950–1960-е годы. М.: Московское время, 2018. 430 с.
16. Келли К. «Школьный вальс»: повседневная жизнь советской школы в постсталинское время // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 104–155.
17. Майофис М. Предвестия «оттепели» в советской школьной политике позднесталинского времени // Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). М.: НЛЮ, 2015. С. 35–106.
18. Симонова О. Детская книга в фокусе влияний (конец 1940-х – начало 1950-х гг.) // Детские чтения. 2016. № 2. С. 170–189.
19. Литовская М. А. Школьная повесть как инструмент анализа повседневности советской школы // Антропология советской школы: культурные универсалии и провинциальные практики. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2010. С. 278–291.
20. Маслинский К. Советский учитель на фоне школьной повести: корпусная перспектива // Детские чтения. 2014. № 2. С. 112–126.
21. Майофис М. Повесть М. Бреженера «Пусть не сошлось с ответом!» (1956) и программа обновления педагогики и литературы в советском обществе начала «оттепели» // Детские чтения. 2016. № 2. С. 53–69.
22. Фатеев А.В. Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры СССР. М.: МАКС Пресс, 2007. 352 с.
23. Путилова Е.О. Очерки по истории критики советской детской литературы, 1917–1941. М.: Детская литература, 1982. 175 с.
24. Маслинская С.Г. Михаил Абрамович Гершензон: профиль критика детской литературы в 1920–1930-е гг. // Детские чтения. 2015. № 2. С. 65–75.
25. Тубельская Г.Н. Из истории детской литературы Сибири в 20-е годы // Тр. Вост.-Сиб. гос. ин-та культуры. Улан-Удэ, 1970. Т. VI. С. 37–87.
26. Немира К., Сотников И. Детская литература Сибири // Сибирские огни. 1950. № 2. С. 140–150.
27. Детям – хорошую книгу // Сибирские огни. 1953. № 6. С. 186–188.
28. Войтик П. Первый роман о школе и учителях Сибири // Сибирские огни. 1953. № 6. С. 183–184.
29. Нечаев К.А. Роман о сельских учителях // Сибирские огни. 1953. № 6. С. 184–185.
30. Всесибирское совещание по детской литературе // Сибирские огни. 1958. № 7. С. 165–177.
31. Шатунова А.Н. Знай революционное прошлое родного края. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1957. 22 с.
32. Детская литература в 1950 г.: сб. обзорных статей. М.; Л.: Гос. из-во детской литературы, 1951. 259 с.
33. Кукулин И.В. Периодика для ИТР: советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции // Новое литературное обозрение. 2017. № 3 (145). С. 61–85.

REFERENCES

1. Rodigina N.N. How to write about “our land” for children: West-Siberian writers’ version of the late 1920s – early 1930s. *Sibirskiy Filologicheskij Zhurnal*. 2020, no. 4, pp. 119–132. (In Russ.)
2. Rodigina N.N. Industrial Siberia as a goal and as a dream: the image of the region in children’s books of 1920s–1980s. *Puti Rossii. 1917–2017. Sto let peremen*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 184–193. (In Russ.)
3. Antipina V. Daily life of the Soviet writers. 1930s–1950s. Moscow: Molodaya gvardiya, 2005, 408 p. (In Russ.)
4. Dobrenko E. Metaphor of power: Literature of Stalinism from a historical perspective. Munich: Otto Sagner, 1993, 405 p. (In Russ.)
5. Dobrenko E. Late Stalinism: aesthetic of politics. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie (NLO), 2020, vol. 1, 712 p. (In Russ.)
6. Zezina M.R. Soviet art intelligentsia and authorities in the 1950s–1960s. Moscow: Dialog-MGU, 1999, 396 p. (In Russ.)
7. Clark K. Soviet novel: history as a ritual. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2002, 262 p. (In Russ.)
8. Eggeling V. Politics and culture under Khrushchev and Brezhnev. 1953–1970. Moscow: AIRO-XX, 1999, 310 p. (In Russ.)
9. Fürst J. The Arrival of Spring? Changes and Continuities in Soviet Youth Culture and Policy between Stalin and Khrushchev. *The Dilemmas of De-Stalinization: Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev Era*. London; New York: Routledge, 2006, pp. 135–153.
10. Petrified Utopia: Happiness Soviet Style. London: Anthem Press, 2009, 307 p.
11. Arzamastseva I.N. “A century of a child” in the Russian literature of the 1900s–1930s. Moscow: Izdatel'stvo Prometei, 2003, 404 p. (In Russ.)
12. Putilova E.O. Children’s reading for heart and mind: studies of history of children’s literature. SPb.: Izdatel'stvo RGPU, 2005, 402 p. (In Russ.)
13. Hellman B. Fairy Tales and True Stories: The History of Russian Literature for Children and Young People. Moscow: NLO, 2016, 555 p. (In Russ.)
14. Islands of utopia. Pedagogical and social design of Soviet postwar school. (1940–1980-е). М.: NLO, 2015, 715 p. (In Russ.)
15. Ivanova G.M. Soviet school in the 1950s–1960s. Moscow: Moskovskoe vremia. 2018, 430 p. (In Russ.)
16. Kelly K. “A school waltz”: daily life of Soviet school after Stalin. *Antropologicheskij forum*. 2004. no. 1, pp. 104–155. (In Russ.)
17. Maiofis M. Omens of the “Thaw” in Soviet school policy of the late Stalinism. *Ostrova utopii: pedagogicheskoe i sotsial'noe proektirovanie poslevoennoi shkoly (1940–1980-e)*. Moscow: NLO, 2015, pp. 35–106. (In Russ.)
18. Children books in focus of influences (late 1940s – early 1950s). *Detskie chteniia*. 2016, no. 2, pp. 170–189. (In Russ.)
19. Litovskaia M.A. School novel as a tool for analysis of daily life of the Soviet school. *Antropologiya sovetskoy shkoly: kul'turnyye universalii i provintsial'nye praktiki*. Perm': Permskiy universitet, 2010, pp. 278–291. (In Russ.)
20. Maslinskiy K. Soviet teacher and a school novel: a corpus perspective. *Detskie chteniya*. 2014, no. 2, pp. 112–126. (In Russ.)
21. Maiofis M. Novel of M. Bremener “Pust' ne soshlos' s otvetom” (1956) and a program of renewal of pedagogy and literature in the Soviet society of the early Thaw. *Detskie chteniya*. 2016, no. 2, pp. 53–69. (In Russ.)

22. Fateev A.V. Stalinism and children literature in politics of nomenclature of the USSR. Moscow: MAKS Press, 2007, 352 p. (In Russ.)
23. Putilova E.O. Studies of history of literary criticism of Soviet children literature. 1917–1941. Moscow: Detskaia literatura, 1982, 175 p. (In Russ.)
24. Maslinskaia S.G. Michail Abramovich Gershenzon: a profile of a literary critic of children literature in the 1920s x–1930s. *Detskie chteniia*. 2015, no. 2, pp. 65–75. (In Russ.)
25. Tubel'skaia G.N. From history of children literature of Siberia in the 1920s. *Trudy Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. Ulan-Ude, 1970, vol. VI, pp. 37–87. (In Russ.)
26. Nemira K., Sotnikov I. Children literature of Siberia. *Sibirskie ogni*. 1950, no. 2, pp. 140–150. (In Russ.)
27. Good books for children. *Sibirskie ogni*. 1953, no. 6, pp. 186–188. (In Russ.)
28. Voitik P. A first novel about school and teachers of Siberia. *Sibirskie ogni*. 1953, no. 6, pp. 183–184. (In Russ.)
29. Nechaev K.A. A novel about rural teachers. *Sibirskie ogni*. 1953, no. 6, pp. 184–185. (In Russ.)
30. All-Siberian conference on children's literature. *Sibirskie ogni*. 1958, no. 7, pp. 165–177. (In Russ.)
31. Shatunova A.N. Learn a revolutionary past of your region. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957, 22 p. (In Russ.)
32. Children's literature in the 1950s: ed. volume. M.; L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo detskoy literatury, 1951, 259 p. (In Russ.)
33. Kukulin I.V. Periodical press for engineers (ITR): Soviet public science journals and modeling of interests of late Soviet technological intelligentsia. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2017, no. 3 (145), pp. 61–85. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.05.2021

Дата рецензирования 10.05.2021

Статья принята к публикации 29.06.2021